

КНИГА 1
ПОСЛЕДНЯЯ
ВОЙНА

Часть первая

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Глава 1

ОДНАЖДЫ

*16 июля, 22:27 (восточное летнее время)
Вашингтон, округ Колумбия*

«Когда-то давным-давно нам понравилось играть с огнем», — чиркнув спичкой, подумал президент Соединенных Штатов.

Собираясь разжечь трубку, он уставился на ожившее между пальцами пламя, зачарованный его цветом. Пока оно разгоралось, ему привиделась пылающая башня высотой в тысячу футов. Она вихрем кружилась над любимой им страной, уничтожая на своем пути большие и малые города, испаряя реки, разметая в руины фермы и вздымая в черное небо пепел семидесяти миллионов человеческих тел. Завороженный страшной картиной, президент смотрел, как пламя охватывает спичку, и сознавал, что в этой миниатюре заключена двойная сила — созидания и разрушения. Огонь мог варить пищу, освещать темноту, плавить железо — и обращать в пыль человеческую плоть. В центре пламени открылось нечто, похожее на маленький немигающий алый глаз, и президент едва не закричал. Этой ночью он очнулся в два часа от кошмара — приснилось сожжение жертв; он заплакал и не мог остановиться. Первая леди пыталась успокоить его, но он продолжал дрожать и всхлипывать, как ребенок. До рассвета он снова и снова просматривал в Овальном кабинете карты и сверхсекретные донесения, однако все они говорили об одном: первый удар...

Пламя обожгло пальцы. Он потряс спичкой и бросил ее в пепельницу, украшенную рельефом президентской печати. Тонкая струйка дыма закрутилась по направлению к вентиляционной решетке.

— Сэр? — сказал кто-то.

Президент поднял взгляд на группу незнакомцев, сидевших в так называемой Ситуационной комнате Белого дома, увидел перед собой подробную карту мира на экране компьютера и множество телефонов и мониторов, расположенных полукругом, как на пульте управления истребителем. Ему очень захотелось, чтобы Бог посадил на его место кого-нибудь другого, а он снова стал бы просто сенатором и не знал всей правды о реальности.

— Сэр?

Он провел ладонью по лбу. Кожа оказалась липкой.

«Хорошо бы погрипповать», — подумал он и чуть не засмеялся от этой абсурдной мысли.

«У правителей не бывает отпуска по болезни, — напомнил ему внутренний голос, — ведь считается, что они не болеют».

Попытавшись сфокусировать взгляд на гостях за овальным столом, он высматривал, кто же обратился к нему. Все наблюдали за ним. Вице-президент, нервный и стеснительный. Адмирал Нэрремор, прямой как шомпол, в форме, украшенной на груди пригоршней наград. Генерал Синклер, резкий и настороженный, с глазами, похожими на два кусочка голубого стекла на грубо вылепленном лице. Министр обороны Хэннен, похожий на добродушного дедушку, но известный и пресс-службе, и своим помощникам как Железный Ганс. Генерал Чивингтон, ответственный сотрудник военной разведки по вопросам военной мощи Советов. Председатель Комитета начальников штабов Бергольц, со стрижкой ежик, подтянутый, как обычно в темно-синем костюме в полоску. Плюс несколько других военных чиновников и советников.

— Да? — спросил президент Бергольца.

Хэннен потянулся за стаканом воды, отпил из него и сказал:

— Сэр, я спрашивал, могу ли продолжить.

Он постучал пальцем по странице раскрытого доклада, с которым выступал.

— Ах... — выдохнул президент. «Моя трубка погасла, — подумал он. — Разве я ее только что не раскурил?»

Посмотрев на лежавшую в пепельнице обугленную спичку, он не смог вспомнить, как она туда попала.

На мгновение он мысленно узрел лицо Джона Уэйна в сцене из старого черно-белого фильма, который видел в детстве. Герцог говорил что-то о точке невозврата.

— Да, — одобрил президент, — продолжайте.

Хэннен бросил быстрый взгляд на сидевших вокруг стола. Перед каждым лежала копия доклада, а также сводки шифровок, только что поступивших по каналам связи от НОРАД¹ и САК².

— Меньше трех часов назад, — сообщил Хэннен, — последний из наших действующих спутников типа «Небесный глаз» был поврежден над территорией СССР. Мы потеряли все наши оптические датчики и телекамеры и, как в случаях с шестью предыдущими сателлитами, полагаем, что этот был уничтожен наземным лазером, расположенным, вероятно, около Магадана. Через двадцать минут после того, как был ослеплен «Небесный глаз — семь», мы применили лазер «Мальмстрем», чтобы вывести из строя советский спутник, пролетавший над Канадой. По нашим данным, у них все еще остаются два исправных: один в данный момент находится над северной частью Тихого океана, а другой — над ирано-иракской границей. НАСА пытается восстановить второй и третий «Небесный глаз», а остальные — уже просто космический утиль... Все это означает, сэр, что приблизительно три часа назад по восточному времени, — Хэннен поглядел на электронный циферблат, украшавший серую стену кабинета, — мы ослепли. Последние фотографии поступили в восемнадцать часов тридцать минут, когда сателлиты были над Елгавой.

Он включил микрофон и сказал:

— «Небесный глаз — семь», запись шестнадцать, пожалуйста.

Возникла трехсекундная пауза — информационный компьютер выполнял запрос. Карта мира на большом экране потемнела

¹ НОРАД (NORAD) — Объединенное командование воздушно-космической обороны Северной Америки. — *Здесь и далее, если особо не оговорено, примеч. перев.*

² САК (SAC) — Стратегическое командование ВВС США.

и уступила место изображению, переданному спутником с большой высоты. В центре участка густой советской тайги виднелось скопление булавочных головок, связанных тонкими линиями дорог.

— Увеличить в двенадцать раз, — приказал Хэннен.

Картинка на мгновение отразилась в стеклах его роговых очков.

Изображение многократно росло, и наконец сотни бетонных бункеров межконтинентальных баллистических ракет стали просматриваться так ясно, будто настенный экран Ситуационной комнаты был просто видом из окна. По дорогам шли грузовики, их колеса вздымали пыль, а около ракетных установок и тарелок радаров были даже заметны солдаты.

— Как видите, — продолжал Хэннен спокойным, почти беспристрастным тоном профессионального оратора — до этого он преподавал военную историю и экономику в Йельском университете, — русские к чему-то готовятся. Предполагаю, они устанавливают больше радаров и снаряжают боеголовки. Только в этом подразделении мы насчитали двести шестьдесят три бункера, в которых, вероятно, находится более шестисот ракетных зарядов. Через две минуты после данной съемки «Небесный глаз» был выведен из строя. Но разведка только подтверждает то, что нам уже известно: Советы объявили высокую степень боевой готовности и не хотят, чтобы мы видели, как они разгружают новое оборудование. Это подводит нас к докладу генерала Чивингтона. Генерал?

Чивингтон сломал печать на лежавшей перед ним зеленой папке. Другие сделали то же самое. Внутри лежали листы документов, графики и карты.

— Джентльмены, — начал генерал хриплым голосом, — советская военная машина за последние девять месяцев увеличила свою мощь не менее чем на пятнадцать процентов. Нет нужды напоминать вам об Афганистане, Южной Америке или Персидском заливе, но я бы хотел привлечь ваше внимание к документу с пометками: «Дубль-шесть», «Дубль-три». Это график, показывающий объем поставок в русскую систему гражданской обороны. Вы можете увидеть своими глазами, как он резко вырос за последние два месяца. Наши советские источ-

ники сообщают, что больше сорока процентов городского населения сейчас либо покинули мегаполисы, либо нашли пристанище в бомбоубежищах...

Пока Чивингтон рассказывал о гражданской обороне, мысли президента вернулись на восемь месяцев назад, к последним страшным дням Афганистана с их нервно-паралитическими газовыми атаками и тактическими ядерными ударами. Через неделю после падения Афганистана в жилом доме Бейрута было взорвано ядерное устройство мощностью двенадцать с половиной килотонн, превратившее этот измученный город в лунный пейзаж из радиоактивного мусора. Почти половина населения погибла на месте. Множество террористических групп с радостью приняли ответственность на себя, обещая карающую месть Аллаха.

Со взрывом этой бомбы открылся ящик Пандоры, наполненный ужасами.

Четырнадцатого марта Индия атаковала Пакистан, применив химическое оружие. Пакистан ответил ракетным ударом по Джайпуру. Три индийские ядерные ракеты накрыли Карачи, и война в пустыне Тар заглохла.

Второго апреля Иран осыпал Ирак дождем советских ядерных ракет, и в заваруху оказались втянуты американцы, поскольку они воевали, сдерживая иранцев. Советские и американские истребители сражались над Персидским заливом, и весь регион в любую минуту мог взлететь на воздух.

Северную и Южную Африку трясло от пограничных стычек. Мелкие государства истощали свои богатства ради приобретения химического и ядерного оружия. Альянсы менялись каждый день, некоторые под давлением силы, другие из-за выстрелов снайперов.

Четвертого мая меньше чем в двенадцати милях от Ки-Уэста пилот американского истребителя F-18 влил ракету класса воздух — земля в борт поврежденной русской подлодки. Тут же с советской военной базы на Кубе, завывая, прилетели скоростные МиГ-23 и сбили этот самолет плюс два других, примчавшихся ему на помощь из эскадрильи.

Спустя девять дней в Арктике при игре в кошки-мышки столкнулись советская и американская подлодки. Через два

дня после этого радары на канадской дальней линии раннего предупреждения показали черточки двадцати приближающихся самолетов. Все базы ВВС на Западе приготовились дать отпор, но вторгшиеся в воздушное пространство противника истребители повернули и уклонились от встречи.

Шестнадцатого мая на американских военно-воздушных базах была объявлена боевая готовность номер один. Советы в течение пары часов отреагировали соответствующе. Усиливая напряженность, в тот же день на производстве «Фиат» в Милане сработало ядерное устройство. Ответственность за эту акцию взяла на себя коммунистическая террористическая группа под названием «Красная звезда свободы».

Стычки между кораблями, подлодками и самолетами продолжались в северной части Атлантики и Тихого океана весь май и июнь. Когда по неизвестной причине в тридцати морских милях от побережья Орегона взорвался и затонул крейсер, американские военно-воздушные силы перешли в боевую готовность номер два. Появление советских подлодок в территориальных водах Штатов повысило драматизм ситуации, и американские субмарины отправились на проверку русских оборонительных систем. Деятельность советских установок с межконтинентальными баллистическими ракетами была засечена спутниками «Небесный глаз» прежде, чем их ослепили лазерами, и президенту стало известно, что русские заметили активность на американских базах до того, как были испорчены их собственные спутники-шпионы.

Тридцатого июня «мрачного» лета, как его окрестили газеты, туристическое судно «Тропическая панорама», на котором с Гавайев в Сан-Франциско направлялись семьсот пассажиров, радиовало, что его преследует неизвестная подлодка. Это было последнее сообщение с лайнера.

С того дня американские военные корабли патрулировали Тихий океан, готовые к пуску ядерных ракет с борта.

Президент вспомнил фильм «Великий и могучий» — о самолете, который попал в критическую ситуацию и чуть не разбился. Пилота играл Джон Уэйн по прозвищу Герцог. Он рассказал команде о точке невозврата — рубеже, после пересечения которого аэробус не может повернуть назад, а должен продолжать лететь вперед во что бы то ни стало. Воображение прези-

дента задержалось на этой точке, он представил себе, как, пытаясь увидеть огни с земли, управляет самолетом с отказавшим двигателем над черным недружелюбным океаном. Но приборы дают неправильные показания, машина все теряет высоту, и в голове звенят крики пассажиров.

«Хочу снова стать ребенком, — подумал он, в то время как люди за столом смотрели на него. — Боже милостивый, я больше не хочу ни за что отвечать».

Генерал Чивингтон закончил речь.

Президент поблагодарил его, хотя не понял точно, что именно сказал докладчик. Он ощущал на себе взгляды этих людей, ждавших, чтобы он заговорил, начал движение или сделал еще что-нибудь. В свои почти пятьдесят лет он был темноволос и привлекателен суровой красотой. Он и сам был летчиком, пилотировал шаттл «Олимпиец» и одним из первых вышел в космос с реактивной установкой. Вид с орбиты огромного, подернутого облаками земного шара тронул его до слез, а его возглас по радио: «Думаю, я знаю, как должен чувствовать себя Бог!» — более всего остального помог ему победить на президентских выборах.

Но он унаследовал ошибки своих предшественников и был до смешного наивен в представлениях о мире накануне двадцать первого века.

Экономика, пережившая подъем в середине восьмидесятых, вышла из-под контроля. Темпы роста преступности ужасали, тюрьмы были переполнены убийцами. Сотни тысяч бездомных — «нация оборванцев», как назвала их «Нью-Йорк таймс», — скитались по дорогам Америки, не способной обеспечить кров бродягам или справиться с их напором. Военная программа «Звездных войн», стоившая миллиарды долларов, обернулась несчастьем, потому что была освоена слишком поздно и машины могли функционировать не лучше, чем человек, а сложность орбитальных платформ потрясала воображение и била по бюджету. Торговцы оружием поставляли сырую, неотработанную ядерную технологию странам третьего мира и их лидерам, рвущимся, как бешеные псы, к власти на соблазнительной и нестабильной глобальной арене. Двенадцатикилотонные бомбы, соотносимые по мощности с той, что разрушила Хиросиму, теперь стали такой же обыденностью, как ручные гранаты, и их можно

носить в дипломате. В результате возобновившихся прошлой зимой выступлений в Польше и стычек на варшавских улицах отношения между Соединенными Штатами и Советами оказались полностью заморожены. И незамедлительно последовал упадок духа, выразившийся в национальном позоре — заговоре ЦРУ с целью уничтожения лидеров польского освободительного движения.

«Мы подошли к точке невозврата», — подумал президент.

Он почувствовал приступ истерического смеха, но заставил себя плотно сжать губы. Его разум боролся с туманной паутиной докладов и мнений, подталкивающих к страшному выводу: Советы готовят первый удар, который несет неслыханные разрушения Соединенным Штатам Америки.

— Сэр? — нарушил тяжелое молчание Хэннен. — Следующий доклад адмирала Нэрремора. Адмирал?

Распечатали еще одну папку. Нэрремор, худой, костлявый на вид человек лет шестидесяти пяти, начал продираться через засекреченные сведения:

— В девятнадцать часов двенадцать минут британские вертолеты с борта корабля противоракетной обороны «Флейта» сбросили в море шумопеленгаторы, которые подтвердили в семидесяти трех милях к северу от Бермуд присутствие шести неопознанных подлодок, держащих под прицелом триста градусов по окружности. Если эти подлодки нацелены на северо-восток, то они уже находятся на расстоянии ракетного удара по Нью-Йорку, военно-воздушным базам на Восточном побережье, Белому дому и Пентагону.

Адмирал поднял на президента взгляд дымчато-серых глаз из-под густых седых бровей.

Белый дом находился в пятидесяти футах над их головами.

— Если были обнаружены шесть лодок, — продолжил Нэрремор, — можно ручаться, что у Ивана там по меньшей мере раза в три больше. Они могут доставить к цели несколько сотен боеголовок в течение пяти-девяти минут после пуска. — Он перевернул страницу. — По данным часовой давности, двенадцать советских подлодок класса «Дельта-2» все еще находятся на позиции в двухстах шестидесяти милях к северо-западу от Сан-Франциско.

Президент почувствовал изумление, как будто все это было сном наяву.

«Думай! — приказал он себе. — Думай, черт тебя побери!»

— А где наши подлодки, адмирал? — услышал он собственный голос, прозвучавший словно чужой.

Нэрремор вызвал на большой экран другую компьютерную карту. На ней высветилась линия мерцающих точек на расстоянии около двухсот миль к северо-востоку от Мурманска. Следующая схема изображала Балтийское море и скопление подлодок северо-западнее Риги. На третьей карте виделись восточное русское побережье и линия подлодок в Беринговом море между Аляской и советским материком.

— Мы взяли Ивана в железное кольцо, — пояснил Нэрремор. — Только скажите — и мы потопим все, что попытается прорваться.

— Думаю, картина предельно ясна. — Голос министра обороны Хэннена был спокоен и тверд. — Мы должны опередить Советы.

Президент молчал, пытаясь выстроить логическую цепь. Ладони его вспотели.

— Что, если они не планируют первый удар? — спросил он. — Верят, будто это мы?.. Если мы продемонстрируем силу, не подтолкнет ли их это переступить черту?

Хэннен достал сигарету из серебряного портсигара и закурил. Взгляд президента вновь оказался прикован к пламени.

— Сэр, — ответил Железный Ганс мягко, словно разговаривал с неразвитым ребенком, — если Советы что-нибудь уважают, так это силу. Вам это известно не хуже, чем любому из присутствующих здесь, особенно после инцидента в Персидском заливе. Им нужна территория, и ради нее они готовы уничтожить нас и понести свою долю потерь. Черт, ведь их экономика слабее нашей. Они собираются провоцировать нас, пока мы не сломаемся или не ударим. А если мы промедлим, то сломаемся... Боже, помоги нам!

— Нет, — мотнул головой президент. Советники повторяли эти доводы много раз, и они надоели ему до тошноты. — Нет, мы не нанесем удар первыми.

— Советы, — терпеливо продолжал Хэннен, — понимают дипломатию кулака. Я не говорю, что мы должны уничтожить

Советский Союз. Но я искренне верю: сейчас самое время решительно сказать им, что нас не задвинешь и мы не позволим их ядерным подлодкам осаждать наши побережья в ожидании сигнала к пуску.

Президент уставился на свои руки. Галстук казался ему петлей висельника, под мышками и на пояснице выступил пот.

— Что вы имеете в виду? — спросил он.

— Нужно немедленно перехватить эти чертовы подлодки. Мы уничтожим их, если они не уберутся. Мы приведем в наивысшую боевую готовность все наши базы ВВС и ракетные установки.

Хэннен быстро оглядел сидящих за столом, чтобы оценить, кто за его предложение. Только вице-президент отвел взгляд, но министр знал, что это слабый человек и его мнение не имеет веса.

— Мы можем перехватить любое советское судно с ядерным оружием, выходящее из Риги, Мурманска или Владивостока. Мы снова возьмем моря под контроль, и если это означает локальную ядерную войну, пусть будет так.

— Блокада... — сказал президент. — А не захочется ли им воевать еще сильнее?

— Сэр, — генерал Синклер говорил по-виргински неторопливо и выражался просто, — я думаю, объяснение таково: Иван должен поверить, что мы рискнем задницами ради того, чтобы он слетал в ад и обратно. Честно говоря, сэр, я не думаю, что здесь есть хоть один человек, который будет сидеть сложа руки, позволяя Ивану спокойно забрасывать нас ракетно-ядерным дерьмом, не отвечая ударом на удар. При этом потери не имеют значения.

Он наклонился вперед и уставился на президента сверлящим взглядом:

— Я могу привести САК и НОРАД в состояние полной боевой готовности через две минуты после вашего одобрения. Я могу переслать эскадрилью «В-1» прямо к границам Ивана за час. Просто слегка намекнуть Советам, понимаете...

— Но... они подумают, что мы атакуем!

— Они поймут, что мы не боимся.

Хэннен стряхнул истлевший столбик сигареты в пепельницу и продолжил:

— Да, это безумие. Но, Бог свидетель, русские уважают безумие больше, чем страх. Если мы дадим им подвести ядерные ракеты, направленные на наши побережья, и даже не пошевелим при этом пальцем, то подпишем смертный приговор Соединенным Штатам Америки!

Президент закрыл глаза. И тут же резко открыл их. Ему привиделись горящие города и обуглившиеся темные предметы, которые когда-то были телами людей.

— Я не хочу быть человеком, начавшим Третью мировую войну, — с усилием произнес он. — Вы это можете понять?

— Она уже началась, — заговорил Синклер. — Черт, весь этот проклятый мир воюет, и все ждут, чтобы или Иван, или мы нанесли нокаутирующий удар. Может, будущее планеты зависит от того, кто решится стать самым безумным! Я согласен с Гансом. Если мы в ближайшее время не сделаем шаг, на нашу жестяную крышу прольется мощный стальной дождь.

— Они будут отброшены, — решительно сказал Нэрремор. — Их отбрасывали и раньше. Если мы пошлем группы охотников-убийц к подлодкам и те взлетят на воздух, то русские узнают, где проходит линия. Итак, будем сидеть и ждать — или покажем зубы?

— Сэр? — Хэннен глянул на часы: без двух минут одиннадцать. — Думаю, теперь решение за вами.

«Я не хочу его принимать!» — чуть не закричал президент.

Ему нужно время, нужно уехать в Кэмп-Дэвид или на одну из долгих рыбалок, которые он так любил, будучи сенатором. Но сейчас времени не осталось. Он сцепил пальцы. Лицо так напряглось, что он испугался, как бы оно не треснуло и не распалось на куски, словно маска. Ему не хотелось бы узнать, что под нею.

Когда президент поднял глаза, смотревшие на него энергичные мужчины все еще были тут. Все чувства, казалось, унеслись от него прочь.

«Решение. Должно быть принято решение. Прямо сейчас».

— Да! — Это слово никогда прежде не звучало так страшно. — Хорошо. Мы приведем... — Он запнулся, сделал глубокий вдох. — Мы приведем войска в полную боевую готовность.

Адмирал, поднимите спецподразделения. Генерал Синклер, я хочу, чтобы ваши «В-1» ни на дюйм не влезали на русскую территорию. Вам ясно?

- Мои экипажи могут пройти по этой линии даже во сне.
- Запускайте коды.

Синклер принялся набирать команды на клавиатуре, потом по телефону дал устное подтверждение военачальникам стратегической авиации в Омахе и воздушно-космической обороны в подземной крепости на горе Шайенн в штате Колорадо. Адмирал Нэрремор взял другую телефонную трубку, и его немедленно соединили со штабом военно-морских сил в Пентагоне.

Через несколько минут американские авиабазы и флот засуетятся. Шифрованные команды о полной боевой готовности прошелестят по проводам. Будут выполнены все подтверждающие действия на радарном оборудовании, системах слежения, мониторах, компьютерах и сотнях других элементов высокотехнологичной военной машины. Так же четко среагируют десятки крылатых ракет и тысячи ядерных боеголовок, скрытых в бункерах по всему Среднему Западу, от Монтаны до Канзаса.

Президент оцепенел. Решение принято.

Председатель Комитета начальников штабов Бергольц попрощался с собравшимися и, проходя мимо президента, тронул его за плечо и выразил одобрение столь правильной и твердой позиции. Военные советники и чиновники покинули Ситуационную комнату и двинулись к лифту в ближайшем вестибюле.

Глава государства остался в одиночестве. Трубка его погасла, но он никак не мог прийти в себя и снова разжечь ее.

— Сэр?

От неожиданности он вздрогнул и повернулся на голос. Около двери стоял Хэннен.

— Все в порядке?

— А... да, — слабо улыбнулся президент.

Перед ним промелькнули воспоминания о славных днях астронавта.

— Нет. Господи Иисусе, я не знаю. Думаю, да, — засомневался он.

— Вы приняли верное решение. Мы оба это понимаем. Советы должны осознать, что мы не боимся.

— Зато я боюсь, Ганс! Я чертовски боюсь!

— И я тоже. Все бояться, но нами не должен править страх.

Министр обороны подошел к столу и перелистал некоторые папки. Через минуту молодой сотрудник ЦРУ явится и уничтожит все эти документы.

— Полагаю, вам лучше отправить Джулиану и Кори в бункер сегодня же вечером, как только они соберут вещи, — предложил Хэннен. — А мы что-нибудь придумаем для прессы.

Президент кивнул. Бункер представлял собой подземное укрытие в Делавэре, где первая леди и их семнадцатилетний сын вместе с членами кабинета и другим персоналом могли быть защищены, как они надеялись, от всего, кроме разве что прямого попадания ядерной боеголовки весом в мегатонну. С тех пор как новости о тщательно сконструированном убежище для правительства распространились в обществе, по всей стране стали появляться подобные укрытия, некоторые даже в заброшенных шахтах и внутри горных пещер. Бизнес под условным названием «Остаться в живых» процветал как никогда прежде.

— Нам надо кое-что обсудить, — сказал Хэннен.

В стеклах его очков президент увидел отражение своего лица — уставшего, с ввалившимися глазами.

«Неразыгранная карта», — подумал он.

— Еще не время. — У него свело живот. — Рано.

— Самое время! Думаю, вам будет безопаснее в центре стратегического авиационного командования. Одной из первых мишеней станет крыша Белого дома. Я собираюсь послать Паулу в бункер, и, как вам известно, вы можете направить туда любого на ваше усмотрение. Но если позволите, я хотел бы сопроводить вас в штабе.

— Да, конечно. Вы со мной.

— Там будет офицер военно-воздушных сил с дипломатом, прикованным наручниками к запястью, — продолжил Хэннен. — Вы знаете свои коды?

— Знаю.

Индивидуальные коды состояли в числе первых вещей, которые президент изучил, вступив в должность. Он почувствовал напряжение, словно его шею охватил железный обруч.

— Но... мне ведь не придется их использовать, правда, Ганс? — почти умоляюще спросил он.

— Наиболее вероятно, что нет. Но если вы сделаете это — если понадобится, — я хочу, чтобы вы помнили: к тому времени Америка, которую мы любим, будет уже мертва; но мы не допустим ни сейчас, ни в будущем, чтобы нога захватчика ступила на нашу землю.

Он протянул руку и отеческим жестом сжал плечо собеседника.

— Точка невозврата, — сказал президент. Его остекленелый взгляд блуждал где-то далеко.

— Что? — не понял Хэннен.

— Мы готовы пересечь точку невозврата. Может быть, уже сделали это. Может быть, теперь слишком поздно и ничего нельзя исправить. Помогите нам Бог, Ганс. Мы летим в темноте и не знаем, куда, черт возьми, направляемся.

— Как только окажемся на месте, разберемся с этим. Мы всегда так делали.

— Ганс? — Голос президента стал жалким, как у ребенка. — Если... если бы вы были Богом... вы бы уничтожили этот мир?

Мгновение Хэннен раздумывал. Потом ответил:

— Полагаю... я бы подождал и посмотрел. Я имею в виду, если бы я был Богом.

— Подождал и посмотрел на что?

— Кто победит. Хорошие парни или плохие.

— А между ними есть какая-нибудь разница?

Выдержав паузу, Хэннен попытался объяснить, но понял, что не может.

— Я вызову лифт, — не в тему сказал он и вышел из Ситуационной комнаты.

Президент разжал ладони. Падавший сверху свет сверкнул на запонках, украшенных печатью правителя США.

«Я в норме, — подумал он про себя, — все системы работают».

Но внутри у него что-то сломалось, он чуть не плакал. Ему хотелось домой, а дом был далеко-далеко от этого кресла.

— Сэр? — позвал его Хэннен.

Медленно и скованно, словно старик, президент встал и вышел навстречу будущему.

Глава 2

СЕСТРА ЖУТЬ

23:19 (восточное летнее время)

Нью-Йорк

Крак!

Она почувствовала, как кто-то пнул ее картонную коробку, и машинально вцепилась в свою тряпичную сумку. Она устала и хотела покоя.

«Чтобы быть красивой, девушке нужно выспаться», — подумала она и снова закрыла глаза.

— Я сказал, вон отсюда!

Чьи-то руки схватили ее за лодыжки выше грязных кед и грубо выволокли из коробки на мостовую. Она негодуя закричала и начала бешено лягаться:

— Ты, сукин сын, мерзавец, оставь меня в покое, негодяй!

— Черт, ты только глянть! — сказала одна из двух фигур, стоявших над ней на Западной Тридцать шестой улице, освещенной красными лампами вывески вьетнамского ресторанчика напротив. — Да это баба!

Другой, тот, кто вытащил ее наружу, прорычал хриплым голосом:

— Баба не баба, а я надеру ей задницу.

Она села и крепко прижала к груди холщовую торбу, набитую немислимыми вещицами.

В потоке неона на скуластом крепком лице стали видны глубокие морщины и уличная грязь. Водянистые голубые глаза, обведенные фиолетовыми кругами, светились страхом и злобой.

На голове бродяжки была бирюзовая шапочка, найденная днем раньше в опрокинутом мусорном бачке. Гардероб состоял из грязной серой набивной блузки с короткими рукавами и мешковатых коричневых мужских брюк с заплатами на коленях. Она была ширококостной, плотной женщиной, ее живот и бедра выпирали из грубой ткани брюк. Одежда, как и холщовая хозяйственная сумка, попала к ней от доброго служителя Армии спасения. Из-под шапочки на плечи неряшливо падали каштановые с проседью волосы, местами обкромсанные — там, где удалось достать ножницами.

Сумку в неопишемом беспорядке наполняли самые разные предметы: катушка рыболовной лески, проеденный молью ярко-оранжевый свитер, пара ковбойских сапог со сломанными каблучками, ржавый церковный поднос, бумажные стаканчики и пластмассовые тарелки, журнал «Космополитен» годичной давности, обрывок цепочки, несколько пачек «Джуси фрут» и многое другое, о чем владелица уже и позабыла.

Пока напавшие разглядывали ее, один из них — угрожающе, она все крепче сжимала сумку. Левый глаз женщины заплыл, скула была ободрана и вздулась, а ребра болели: три дня назад по милости злобной оборванки в христианском приюте ей пришлось пересчитать ступеньки. Она приземлилась на площадке, поднялась по лестнице и точным свинцовым ударом правой вышибла той тетке пару зубов.

— Ты залезла в мою коробку, — сказал хриплый мужик.

Он был бородат, с мутными глазами, высокий и костлявый, одет лишь в голубые джинсы, грудь блестела от пота. Второй — ниже ростом и тяжелее, в пропотевшей рубашке и зеленых армейских штанах, карманы которых были набиты окурками, — тряс сальными темными волосами и все время чесал в паху.

Тощий пнул ее в бок носком ботинка, и она поморщилась от боли в ребрах.

— Оглохла? Я сказал, ты залезла в мой чертов ящик!

Картонная коробка, в которой она спала, валялась на боку посреди целого острова смердящих мусорных мешков, за две с лишним недели забивших тротуары и стоки Манхэттена, — дворники объявили забастовку. При удушающей жаре — почти сорокаградусной днем и тридцатипятиградусной ночью — пакеты раздувались и лопались. Для крыс наступил праздник: горы мусора лежали неубранными, перекрывая на некоторых улицах движение.

Бездомная невидяще глядела на мужчин — содержимое половины бутылки «Красного кинжала» всасывалось в стенки ее желудка. Последнее, что она ела, были куриные кости и остатки из консервной банки.

— А?

— Моя коробка! — заорал бородатый прямо ей в лицо. — Это мое место. Ты сумасшедшая или как?

— Она безмозглая, — сказал другой, — ненормальная, как черт.

— И страшная, как черт. Эй, что там у тебя в торбе? Дай-ка посмотреть.

Он ухватился за ткань и дернул, но женщина громко заорала и не отпустила торбу, только вытаращила глаза от страха.

— У тебя там деньги? Выпивка? Давай сюда, дура!

Мужик почти вырвал сумку у нее из рук, но бродяжка захныкала и повисла на ней. Красным сверкнуло украшение на ее шее — маленькое дешевое распятие, прикрепленное к ожерелью из полированных камешков.

— Э! — сказал второй. — Смотри-ка! Я ее знаю. Я видел, как она побиралась на Сорок второй улице. Она думает, что с понтом святая, все проповедует. Ее зовут Сестра Жуть.

— Да? А может, мы тогда заложим эту безделушку?

Он потянулся сорвать распятие, но женщина резко отвела голову в сторону. Схватив ее за шею, он зарычал и замахнулся другой рукой, чтобы ударить.

— Пожалуйста! — стала умолять она, готовая заплакать. — Пожалуйста, не бейте меня. У меня для вас кое-что есть! — И стала рыться в сумке.

— Давай сюда и проваливай! Башку бы тебе расшибить за то, что спала в моей коробке.

Он отпустил ее голову, но кулак держал наготове. Несчастливая копалась в торбе и непрерывно всхлипывала.

— Тут у меня кое-что есть, — бормотала она, — где-то тут..

— Выкладывай давай, — он подтолкнул ее ладонью, — и тогда, может, я не надеру тебе задницу.

Ее рука нащупала то, что искала.

— Нашла, — сказала она. — Ага, вот оно.

— Ну, давай сюда!

— Хорошо.

Всхлипывания прекратились, и голос ее стал тверд, как металл. Незаметным плавным движением она вытащила бритву, со щелчком раскрыла ее и, взмахнув, полоснула по голой руке бородатого.

Из раны струей брызнула кровь. Лицо мужчины побледнело. Он схватился за запястье, рот его округлился, и раздался вскрик, похожий на подавленный кошачий вой.